

УДК 343.1:004.8
ББК 67.410.1

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ГРАНИЦЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

М. Ю. Порохов, Е. М. Кузнецова

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Рассматривается проблема соотношения судебного усмотрения и применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в гражданском судопроизводстве, в частности — в упрощенном и приказном производстве. Авторы анализируют правовую природу судебной дискреции, выделяя ее как межотраслевой феномен, связанный с оценочными категориями права и сложностью правоприменения. Подчеркивается, что полноценная замена судьи алгоритмом невозможна при наличии спора о праве и необходимости оценки доказательств. В то же время показано, что использование ИИ в приказном производстве, где отсутствует спор и оценка доказательств, может быть оправдано как средство оптимизации и разгрузки судов. На основе сравнительного анализа отечественного и зарубежного опыта делается вывод о допустимости ограниченного применения ИИ в формализованных процедурах, при сохранении за судьей полномочий по контролю и правовой оценке. В частности, отмечается, что даже в приказном производстве сохраняется элемент дискреции при оценке наличия спора о праве. Авторы обосновывают необходимость дифференцированного подхода к применению ИИ в зависимости от сложности дела и значимости оценочных понятий. Предлагается модель гибридного правосудия, в которой ИИ выполняет вспомогательные функции, не подменяя интеллектуальной деятельности судьи.

Ключевые слова: судебное усмотрение, искусственный интеллект, гражданский процесс, упрощенное и приказное производство, автоматизация правосудия

JUDICIAL INTERPRETATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL PROCEEDINGS: BOUNDARIES AND ENFORCEMENT PROSPECTS

M. Yu. Porokhov, E. M. Kuznetsova

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)

The article examines the problem of the relationship between judicial discretion and the use of artificial intelligence (AI) technologies in civil proceedings, particularly in simplified and order proceedings. The authors analyze the legal nature of judicial discretion, highlighting it as an interdisciplinary phenomenon related to the evaluative categories of law and the complexity of law enforcement. It is emphasized that a full-fledged replacement of a judge by an algorithm is not possible in the presence of a dispute over law and the need to evaluate evidence. At the same time, it is shown that the use of AI in order proceedings, where there is no dispute and no assessment of evidence, can be justified as a means of optimizing and unloading the courts. Based on a comparative analysis of domestic and foreign experience, it is concluded that the limited use of AI in formalized procedures is permissible, while the judge retains the authority to control and assess the legal situation. In particular, it is noted that even in order proceedings, there is an element of discretion.

Keywords: judicial discretion, artificial intelligence, civil proceedings, simplified and order proceedings, and automation of justice

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.11)

В условиях сложности и многообразия современных общественных отношений нечасто встречаются ситуации, в которых диспозиция правовой нормы может быть применена к жизненной ситуации с абсолютной точностью. В случаях, когда законодательное регулирование оказывается неполным или противоречивым, а аналогия закона и аналогия права не обеспечивает должного восполнения пробела, суд сталкивается с необходимостью выбора между несколькими допустимыми с правовой точки зрения решениями. При этом каждое из них может соответствовать таким основополагающим началам, как законность, обоснованность, справедливость и разумность. В подобных ситуациях судья, всесторонне и объективно исследовав обстоятельства дела, реализует свое право принять решение, руководствуясь внутренним убеждением и опираясь на собственное усмотрение.

Судейское усмотрение, безусловно, явление многозначное, и сложность его понимания обусловлена различными описывающими его критериями. Судейское усмотрение или судейскую дискрецию можно определить как форму умственной деятельности судьи; как форму правосознания; как юридический факт, влияющий на судебные правоотношения; как межотраслевой институт права. Так или иначе, для понимания термина «судейское усмотрение» необходимо установление не столько его родового понятия, сколько его сущностных критериев и оснований для применения судьей. К таким основаниям следует отнести «неясные правила, изложенные в законодательстве; противоречия между нормами разной отраслевой принадлежности; неурегулированность отношений, ставших предметом судебного разбирательства; предписания закона; оценочные законодательные понятия и иные обстоятельства, объективно вызывающие судейское усмотрение» [1, с. 12–13].

Существует подход к пониманию судейского усмотрения, содержание которого не противоречит перечисленным критериям, — под ним следует понимать «специфический вид правоприменительной деятельности, которому присуща интеллектуальная деятельность по поиску наилучшего решения в конкретной ситуации» [2, с. 15]. Искусственный интеллект (далее — ИИ) для целей гражданского процесса должен осуществлять аналогичную функцию — найти оптимально применимый ответ и решение для поставленной задачи. Так, значения рассматриваемых понятий в данном случае во многом синонимичны. Следовательно, возникает вопрос о возможности формирования нового явления, существующего и функционирующего параллельно дискреционным судейским полномочиям, — технологии ИИ (возможно, и заменяющего их). Ответ на данный вопрос также кроется и в плоскости того, насколько судье необходимо и целесообразно пользоваться дискреционными полномочиями при рассмотрении и разрешении конкретного дела и каково реальное влияние таких полномочий на вынесенное решение.

При этом некоторые иностранные государства уже активно используют технологии ИИ не только для помощи в работе судей, но и в процессе составления текста процессуальных документов. Однако необходимо отметить следующую особенность зарубежных правопорядков: одной из главных целей применения ИИ является унификация судебной практики. В этой связи, например, исторически в процессе формирования правовой системы во Франции судейское усмотрение воспринималось даже с неприязнью [3, с. 339], в связи с чем на современном этапе к данному институту отношение достаточно сдержанное. В КНР же целью привлечения ИИ к судопроизводству является в том числе резкое ограничение судейского усмотрения [4, с. 246]. В частности, в Китае «единобразие судебного усмотрения при рассмотрении дел остается проблематичным: решения выносятся более чем 3500 судами различных уровней; потенциально подобные дела с похожими фактическими обстоятельствами могут иметь различные правовые интерпретации» [5, р. 318]. В этой связи применение ИИ в «умных судах» направлено на «стандартизацию судебного усмотрения и содействию судебному равенству в различных регионах» [5, с. 319]. При этом критиками отмечается, что «судьи придерживаются рекомендаций ИИ с целью избежать необходимости оспаривать систему, даже если ИИ выбирает менее подходящий справочный материал или закон для данного дела» [6].

Российский законодатель и правоприменитель, хотя и не поощряют произвольное расширение пределов использования дискреционных полномочий судей, но при этом отмечают ценность и не-

обходимость такого «инструмента» в руках судьи [7], а также устанавливают легальные основания для его применения (в частности, ст. 333 ГК РФ, ст. 67 ГПК РФ и др.). Именно поэтому тезис о невозможности полной замены судьи искусственным интеллектом в гражданском судопроизводстве в России не раз высказывался в научной дискуссии. С таким суждением сложно не согласиться, поскольку в целом решение исхода гражданских дел единолично ИИ приведет к обесцениванию «человеческого фактора» судьи и формальному подходу к рассмотрению и разрешению дел, что, на наш взгляд, можно приравнять к нивелированию правосудия.

Однако указанный вывод применим лишь в части полноценного и непосредственного процесса рассмотрения и разрешения исковых дел по существу. Говоря же о более простых, сокращенных или «усеченных» формах судопроизводства (в частности, упрощенное, заочное и приказное производство), то использование при их разрешении механизмов ИИ на данный момент стоит определить как перспективную траекторию оптимизации судебной нагрузки.

Говоря об упрощенном производстве, необходимо подчеркнуть, что в данном случае судебное заседание не проводится, отсутствует вызов сторон в суд и, следовательно, отсутствует любой элемент устности; рассмотрение дел происходит лишь по представленным письменным доказательствам; установлены ограничения при принятии некоторых иных видов доказательств (например, показаний свидетелей, заключений эксперта и др.). Кроме этого, суд также освобожден от необходимости составлять мотивированную и описательную часть решения без соответствующего заявления стороны спора. Более того, исследователями отмечается, что подобный судебный акт, «не содержащий указаний на установленные судом факты и правоотношения, а также анализа и оценки представленных сторонами доказательств и документов, обосновывающих заявленные требования и возражения, не может быть приравнен к судебному решению, принятому в рамках ординарной процедуры в полном объеме, несмотря на их формально одинаковую силу» [8, с. 38].

Так, подобные изъятия из ординарной процедуры рассмотрения дел, с одной стороны, действительно свидетельствуют о низкой активности судьи-человека, что приводит к мысли о возможности замены его функцией ИИ. В таком случае можно предположить ситуацию, когда на ИИ возлагается необходимость подготовки лишь резолютивной части судебного решения, в которой надлежит указать только ключевые выводы суда об удовлетворении требований, порядок взыскания и размеры судебных расходов, а также порядок исполнения решения, в то время как составление полного мотивированного акта будет осуществлено судьей по заявлению лиц, участвующих в деле, или в случае апелляционного (кассационного) обжалования вынесенного решения.

С другой стороны, исходя из сущности упрощенного производства, мы понимаем, что речь идет о наличии спора о праве. Такая судебная процессуальная процедура не отделяется от общегражданского порядка и осуществляется в рамках единой процессуальной формы. В ее основе лежит «идея нерациональности полномасштабного производства» [8, с. 20], но никак не неоспоримости и формальности требования. Вместе с тем законодательно все же закреплена возможность активного участия судьи применительно к упрощенной форме судопроизводства. Так, согласно п. 2 ст. 232.2 ГПК РФ по инициативе суда в порядке упрощенного производства могут быть рассмотрены иные дела, прямо не указанные в законе (при согласии сторон и соответствии иным требованиям, перечисленным в Кодексе). Указанное положение демонстрирует, что основанием отнесения требования к рассмотрению по упрощенной процедуре является усмотрение судьи. Более того, по смыслу п. 4 указанной статьи обоснованность перехода из упрощенной формы в исковое производство самостоятельно также определяет судья. При этом, если судья оценит представленные доказательства как недостаточные (субъективная категория) для подтверждения позиции стороны, он вправе предложить сторонам как представить дополнительные доказательства, так и перейти к рассмотрению дела по общим правилам исковой формы (при этом основанием для перехода к исковому производству может служить также инициатива судьи о необходимости проведения осмотра, исследования доказательств по месту их нахождения, устного заслушивания свидетельских показаний или назначения экспертизы). Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ суд принимает доказательства по делу, если сроки их представления были пропущены по уважительным причинам. Поскольку перечень причин, признанных уважительными, не является исчерпывающим, его конкретизация оставлена на усмотрение суда.

В этой связи вывод о возможности наделения судейскими функциями (не полномочиями) ИИ по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, в России, на наш взгляд, хоть и перспективен, но является преждевременным ввиду необходимости использования судом инструмента дискреции. Фактически можно говорить о том, что чем шире возможности использования ИИ в гражданском процессе, тем меньше остается места для судейской дискреции.

Тезис о возможности замены дискреционных полномочий ИИ так же спорен и в заочном производстве, проводимом в случае неявки ответчика по правилам, предусмотренным гл. 22 ГПК РФ. В отличие от упрощенного производства, формой рассмотрения судебного разбирательства при заочном производстве является судебное заседание, в рамках которого проводится исследование представленных доказательств, а также учет доводов лиц, участвующих в деле. В этой связи взаимодействие с людьми, принимающими участие в судебном процессе, требует человеческого фактора. Более того, в обязанности судьи входит подготовка полного решения суда, состоящего в том числе из описательной и мотивированной частей. Следовательно, такие процессуальные действия требуют использования судьей своих профессиональных навыков, подготовки и опыта и при необходимости — собственного усмотрения, имитация которого машиной невозможна.

По-иному дело обстоит с приказным производством, которое осуществляется без судебного разбирательства, только по бесспорным требованиям. Быстро получившее распространение и признание как функционально обособленный самостоятельный институт системы, оно представляет собой упрощенный судебный процесс, не имеющий «споры о праве». В связи с небольшим размером заявленных требований, фактической бесспорностью этих требований, отсутствием необходимости вызова сторон, рассмотрения доказательств и заслушивания объяснений участников процесса функции судьи в приказном производстве в конечном итоге сводятся к достаточно рутинным и механическим действиям, а именно в вынесении и выдаче судебных приказов на основании документов, предоставленных взыскателем (кредитором). В связи с этим применение ИИ в данном виде судопроизводства могло бы способствовать, безусловно, оптимизации процесса, так как освобождает судью «от рутинных, шаблонных дел, чтобы он сосредоточился именно на тех делах, где присутствует "чистый судебный спор", который требует именно человеческого интеллекта и высшей квалификации» [9, с. 82]. Ввиду достаточно формальной сущности данного вида судопроизводства, а также колossalной занятости мировых судей в России уже были предприняты попытки внедрения ИИ в приказное производство. В целях разгрузки к трем судебным участкам Белгородской области ИИ подключили для подготовки судебных приказов по взысканию налогов (имущественного, транспортного и земельного) с граждан [10]. ИИ в этом процессе занимался проверкой реквизитов и перенесением информации об участниках процесса и предмета взыскания, созданием карточек дел и подготовкой иных документов. При этом судья лишь подписывал судебный приказ, что значительно упрощало указанную процедуру, не влияло на качественную составляющую рассмотрения взысканий и не требовало судейского усмотрения. В Амурской области на основе технологии ИИ был разработан конструктор судебных приказов «Магис», необходимый для автоматизированного переноса информации о взыскателях в сводную базу данных, автоматического формирования документов [11]. Однако, так или иначе, судья продолжает осуществлять проверку «работы» перечисленных технологий, причем на предмет не только корректности внесенных сведений, но и формальной обоснованности и верности заявленного требования. Указанные механизмы тестируются и в других регионах.

Подобные инициативы подтверждают шаблонность принятия решений по данному виду судопроизводства, а также необходимость его оптимизации (в том числе посредством применения технологий ИИ) ввиду низкой активности судьи в нем. Кроме того, авторами выдвигается тезис о том, что требования приказного производства являются «очевидным примером недостойных правосудия категорий дел». Подобное отношение законодателя, правоприменителя и представителей науки к рассматриваемой процедуре, примитивный способ отмены судебного приказа детерминируют более реальную перспективу осуществления ИИ приказного производства, нежели такую замену в упрощенном производстве: необходимо понимать, что последнее все же является состязательным процессом и предполагает учет доводов сторон и оценку представленных доказательств.

Однако, на наш взгляд, такой вывод не совсем корректен и верен лишь отчасти, и говорить о полном отсутствии дискреционных полномочий судьи в приказном производстве нельзя.

Так, в соответствии со ст. 125 ГПК РФ одним из оснований вынесения мировым судьей определения об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа является «усмотрение наличия спора о праве», что исходит из заявления взыскателя и представленных документов. Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ, в таком случае «лицо вправе обратиться в суд в порядке искового производства с указанием на то, что в принятии заявления о выдаче судебного приказа отказано» (п. 21) [12]. Уже при обращении лица с иском в суд последний вправе возвратить исковое заявление, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства; в определении о возвращении искового заявления в данном случае судья укажет на необходимость обращения лица с заявлением о выдаче судебного приказа в мировой суд (ст. 135 ГПК РФ). При этом законодателем не установлено предельное количество подобных «возвратов» — получается, что один судья может отказать в принятии заявления, поскольку усмотрел наличие спора, вытекающего из различных правоотношений, а другой судья увидел бесспорное требование, подлежащее возвращению стороне с указанием об обращении за судебным приказом. В связи с чем еще на стадии принятия заявления к производству присутствует доля судейских дискреционных полномочий, предопределяющих само существование бесспорного требования. Такая ситуация может усложняться и оценкой «степени спорности» заявленных требований — небезосновательно отмечается, что, несмотря на наличие разъяснений Пленума ВС РФ [12], «отсутствуют четкие параметры, по которым можно установить критерий бесспорности требований» [13, с. 218]. ИИ, напротив, не способен корректно оценить требование на предмет его бесспорности, именно поэтому судья в любом случае будет вынужден «перепроверять» законность и обоснованность принятия заявления или отказа в его принятии.

Вместе с тем необходимо отметить, что сложность проверки обоснованности заявленного требования зависит от его конкретной категории. Так, требования о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей основаны на простом фактическом составе и предполагают понятный алгоритм такой проверки: он обеспечивается соотнесением данных из ЕГР ЗАГС с основаниями, представленными кредитором. С учетом открытости и достоверности информации публичного реестра и отсутствия в данном случае возможностей для проявления судейского активизма представляется, что ИИ вполне под силу справиться с поставленной задачей. Вариативность правоотношений, ставших предметом судебного разбирательства, нуждается в персональном контроле и активной судейской дискреции. В этой связи представляется проблематичным вывод подобных требований из компетенции судьи и их передача автоматизированному алгоритму.

Не только ГПК РФ, но и процессуальные кодексы других стран содержат положения о различных формах упрощенных производств. При этом в большинстве иностранных правопорядков термином «упрощенные производства» охватываются и не разграничиваются по аналогии с российским подходом в целом все специальные процедуры, связанные с рассмотрением дел с небольшой ценой иска, производства при отсутствии сторон, по бесспорным требованиям и др.

Нормы отдельных иностранных правопорядков применительно к приказному производству свидетельствуют о формальном подходе к такой деятельности суда. В частности, в ст. 12 Регламента ЕС № 1896/2006 «О введении европейского приказного производства» указано, что приказ выносится только на основе данных, указанных кредитором в заявлении, а также о том, что проверка обоснованности требований заявителя не проводится [14]. В этой связи, например, в Германии и Венгрии уже давно осуществлена полноценная автоматизация приказного производства [15]. В Верховном суде г. Сакраменто, штат Калифорния, функционирует Formal Order After Hearing (FOAH) — система электронного документооборота, «которая позволяет сократить время для подготовки приказа и получения его сторонами до нескольких минут; автоматизированное web-приложение также создано для электронных судебных приказов в Верховном суде Сан-Бернардино и др. [15]. Такие примеры показывают как формальное отношение зарубежного законодателя к процедуре по выдаче судебного приказа, так и очевидную тенденцию к минимизации дискреционных полномочий судьи; причем указанная тенденция детерминирует вовлечение автоматизированных систем и механизмов, в том числе ИИ, в приказном производстве.

При этом зарубежная практика свидетельствует все же о наличии дискуссии по поводу глубины проверки судом обстоятельств каждого конкретного дела и о пределах судебского активизма [16, с. 53].

Так, иностранному правоприменению известны и изъятия из указанных выше общих правил. В частности, в Решении Европейского Суда по объединенным делам от 19 декабря 2019 г. C-453/18 и C-494/18 «Bondora AS против Carlos V. C. и XY» кредитор требовал вынесения платежного поручения (судебного приказа) об уплате выданной должнику (потребителю) ссуды. Однако судья запросил у кредитора предоставления основного договора ссуды для определения наличия или отсутствия в соглашении условий, нарушающих равенство контрагентов в пользу взыскателя (при этом испанским национальным законодательством и процессуальными регламентами ЕС предоставление договора, служащего условием для подачи заявления в суд, не предусмотрено, но такое требование фигурирует в Директиве Совета Европейских Сообществ от 5 апреля 1993 г. N 93/13/EЭС «О несправедливых условиях в Договорах с потребителями») [17]. Таким образом, на первый взгляд простое и не нуждающееся в активном судебском участии требование о выдаче судебного приказа дошло до выяснения судьей условий сделки, лежащей в основе взыскиваемой задолженности, на предмет их справедливости и законности. На наш взгляд, подобные действия суды в подобных случаях являются целесообразными и оправданными, поскольку неисследование судом указанных обстоятельств могло привести к вынесению неправосудного акта.

Таким образом, российское правоприменение в большей мере, чем зарубежное, свидетельствует о необходимости использования судьей дискреционных полномочий, поскольку функция суда даже при «упрощенных» судебных процедурах не всегда сводится лишь к техническим и формальным действиям. Несмотря на столь формальное отношение к приказному производству, в отечественном правопорядке предусмотрена проверка обоснованности требования на основе представленных доказательств, в отличие от автоматизированной процедуры в странах ЕС и США. Идея китайского правоприменителя заключается в максимальном ограничении свободы действий судей путем сокращения решений, которые приняты «на усмотрение суда». В этой связи, а также ввиду исторических предпосылок и технического превосходства иностранный правоприменитель наиболее активно воспринимает тенденцию сильного ограничения инструмента судебного усмотрения с целью строгой унификации практики по делам упрощенного производства. Используемая технология ИИ способна реализовывать только логический и автоматический метод, чего недостаточно для всестороннего рассмотрения любого гражданского дела.

При этом отдельные категории дел приказного производства, составляющие значительную долю в объеме всех требований о выдаче приказа, не требуют проявления судебского активизма и применения дискреционных полномочий и поэтому могут быть переданы на автоматическое разрешение искусственному интеллекту с последующим контролем со стороны суда.

В связи с этим определение пределов правомерного использования ИИ в гражданском процессе требует более дифференцированного подхода, основанного на классификации судебных дел с учетом их сложности. Ключевое значение приобретает необходимость обращения к правовым категориям, имеющим оценочное значение. Такие понятия, как «справедливость», «разумность», «соразмерность» или «уважительность причин», неизбежно апеллируют к субъективному правовому восприятию, обусловленному профессиональной интуицией и жизненным опытом судьи. Их жесткая алгоритмизация практически невозможна без потери содержательной юридической глубины, а потому любое дело, в котором такие категории имеют определяющее значение, трудно адаптировать к полностью автоматизированному рассмотрению дела.

Одновременно с этим внедрение технологий ИИ в сферу правосудия не обязательно влечет за собой угрозу самостоятельности судебной власти. Наоборот, ИИ может эффективно выполнять вспомогательную функцию — в качестве аналитического инструмента, способного формировать проектные модели решений, автоматизировать повторяющиеся процессуальные действия и ускорять документооборот. В данном контексте обоснованным представляется переход к модели гибридного правосудия, при которой алгоритмы ИИ генерируют черновой вариант решения, а окончательную редакцию формирует судья, осуществляя надзор за его юридической корректностью и соответствием индивидуальным особенностям дела. Подобный подход позволяет соединить преимущества цифровизации

и машинной точности с необходимым уровнем гибкости, присущим человеческому правоприменению, особенно в контексте оценочных категорий и нестандартных правовых ситуаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Егорова О.А. К вопросу о понятии судейского усмотрения в условиях современного общества // Судейское усмотрение : сборник статей (отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин ; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко). М. : Юстицинформ, 2020. С. 10–20.
2. Макарихина О.А. К вопросу о судебном усмотрении в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 14–17.
3. Ситников М.С. К вопросу о судейском усмотрении в России и зарубежных странах // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 337–345.
4. Гун Н., Дун Д. Применение и теоретическое развитие искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Правоведение. 2024. Т. 68, № 2. С. 241–256.
5. Wang P, Guannan Qu. AI in Court: the Promotion and Regulation of Information Technology in China's Smart Court Movements // Artificial Intelligence and International Human Rights Law. Pp. 309–324.
6. Judges in China Must Justify Every Ruling to an AI-report // the-decoder.com. URL: <https://the-decoder.com/judgesin-china-must-justify-every-ruling-to-an-ai> (дата обращения: 28.12.2024).
7. Судьи рассказали о судейском усмотрении в уголовном и гражданском судопроизводствах // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudi-rasskazali-o-sudeyskom-usmotrenii-v-ugolovnom-i-grazhdanskom-sudoproizvodstvakh/> (дата обращения: 28.12.2024).
8. Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском процессе : монография. М. : Зерцало-М, 2022. 164 с.
9. Хуноян А.С. Моделирование применения технологии искусственного интеллекта в судебной системе // Правовая информатика. 2022. № 4. С. 76–86.
10. Суды подключили искусственный интеллект к взысканию транспортного налога // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/04/10/sudy-podkliuchili-iskusstvennyj-intellekt-k-vzyskaniju-transportnogo-naloga.html> (дата обращения: 28.12.2024).
11. Судья Олег Васильев: модернизация законодательства — процесс непрерывный // Благовещенский городской суд Амурской области. URL: https://blag-gs.amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=109 (дата обращения: 28.12.2024).
12. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 (ред. от 05.04.2022) // СПС «Консультант Плюс».
13. Гринь Е.А. Преимущества и недостатки приказного производства в арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 217–219.
14. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 1896/2006 от 12.12.2006 о введении Европейского приказного производства // СПС «Гарант».
15. Кашанин А. В. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад // www.црсп.рф. URL: <https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/Информационные%20технологии%20в%20правосудии.pdf> (дата обращения: 28.12.2024).
16. Крымский Д. И. Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2020. № 12. С. 51–55.
17. Judgment of the Court of Justice of the European Union (First Chamber) of 19 December 2019 in Bondora (Joined Cases C-453/18 and C-494/18). URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=221787&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=622838> (дата обращения: 28.12.2024).